

УДК 821.161.1–1

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-67-73

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В КРАСНОЯРСКОЙ АНТОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ*

А. Н. Губайдуллина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Введение. Описываются предпосылки обращения к красноярской антологии, которая представляет собой явление двухадресной литературы (для школьников и взрослых). Целью исследования обзорного характера стало рассмотрение ключевых мотивов поэтических и прозаических произведений, вошедших в «Антологию литературы для детей» Красноярского края (2017). *Материалы и методы.* В соответствии с целью для исследования выбран метод мотивно-тематического анализа. Материалом для изучения стали произведения 58 авторов, которые рассматриваются в совокупности в контексте единого сборника. Точное время написания произведений в книге не обозначено, но примерный период воссоздается из контекста и из приведенных в конце книги биографий авторов. *Результаты исследования и обсуждение.* Позволяют говорить о наличии онтологической картины мира, поддерживаемой разными писателями, несмотря на жанровое многообразие текстов. В разных текстах антологии, как поэтических, так и прозаических, воспроизводится циклизованная мифологическая модель жизни. Природа мыслится как одухотворенная материя, ключевыми мотивами являются мотив творящей тайги, одновременно привлекательной и пугающей, мотив полноты (явлений и событий), мотив идеального, свободного детства. Для авторов Красноярья константно противопоставление города и природы. Однако описанная выше онтологическая модель характерна для литературы середины XX века. После 1980-х годов содержательная и эстетическая парадигма меняется. *Заключение.* Делается вывод о необходимости отдельного рассмотрения произведений, написанных на рубеже XX–XXI веков и включенных в антологию. Тексты современных авторов соответствуют игровой эстетике, в них снимается ряд оппозиций (город – деревня; мир природный – урбанизированный), усиливается фантастический, сказочный компонент. Подробный разбор современных текстов не вошел в данную статью и представляет материал для последующего исследования.

Ключевые слова: современная литература для детей, писатели Красноярска, сибирская поэзия, сибирская проза, мотивный анализ.

Введение

В 2017 г. в Красноярске вышла из печати «Антология литературы для детей» [1]. Антология имеет качественное издание: твердый переплет, объем книги более трехсот страниц, черно-белые иллюстрации и декоративные графические элементы. Составители характеризуют ее как «наиболее полное издание произведений авторов Красноярья» [1, с. 3] и изначально причисляют к классу двухадресной литературы, рассчитанной, с одной стороны, на «педагогов, писателей, библиотекарей и родителей» [1, с. 3], с другой – на «детей школьного возраста» [1, с. 6]. Двухадресная литература обладает целым рядом характеристик, среди которых: многоплановость, дополнительное смысловое кодирование, расширение тематики [2, с. 59]. Сразу отметим, что тексты антологии не равны по своей художественной ценности; некоторые из них более слабые, вторичные в выборе художественных средств, носят подражательный характер. Однако именно объемный литературный массив и широкий временной срез (самое раннее из опубликованных произведений написано в 1941 г., в то время как на-

ибо более поздние созданы в 2010 – 2015 годах) позволяют увидеть изменение литературной «карты» Красноярского края и общие черты прозы и поэзии разных десятилетий. Обращение к антологии позволяет существенно расширить научное представление о детской литературе Сибири второй половины XX – первых десятилетий XXI в. [3, с. 12].

Материал и методы

Данная статья обзорного характера содержит мотивно-тематический анализ включенных в антологию произведений, направлена на выделение ключевых, повторяющихся элементов. Мы не сосредотачиваемся на уровне художественной ценности текстов, нас интересует общее литературное «полотно», представленное в данном издании. Соотношение темы и мотива понимаем, вслед за И. В. Силантьевым, как сложные отношения включения/пересечения: «Совмещение представлений о мотиве и теме происходит по той причине, что сами феномены тесно связаны друг с другом. Действительно, тема разворачивается в повествовании посредством выраженных в нем мотивов. Поэтому характерная (традиционная) тема

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) и Правительства Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70004-ОГН «Творчество сибирских писателей второй половины XIX – начала XXI века для детей и молодежи в контексте литературных традиций».

требует развертывания характерных (традиционных) мотивов. Но и мотив невозможно представить вне тематического начала. Мотив без темы – это не более чем чистая идея перемены» [4, с. 14].

«Антология литературы для детей» включает тексты 58 человек. Текстовые блоки неравновесны по объему: некоторые авторы представлены одним стихотворением, тогда как другие – несколькими произведениями. Есть те, у кого опубликованы в одной подборке и проза, и поэзия. В антологию включены произведения разных жанров: бытовая проза (например, М. Корякина [5, с. 104]), сказки (В. Нестеренко [6, с. 173], Л. Рычкова [7, с. 229]), прозаическая миниатюра (Е. Жарикова [8, с. 71]), лирическая поэзия (А. Дудин [9, с. 61], Н. Ива [10, с. 72]), отрывки из поэмы (М. Тарковский [11, с. 255], О. Аксенова [12, с. 9]), поэтическая азбука (Н. Анишина [13, с. 16]), загадки (К. Еремин [14, с. 65], М. Радкевич [15, с. 213]).

Результаты исследования и обсуждение

И. Ю. Кудинова, изучая литературный образ Красноярска XX в. на материале нескольких произведений «взрослой» прозы (В. Астафьева, Р. Солнцева, Э. Русакова), отмечает признаки образа этого сибирского города как места несвободы, заточения; устойчивость конфликта город – природа. «В „красноярском тексте“, пожалуй, наиболее проявлен историко-культурный генетический груз, связанный с дополнительной специализацией территории как места ссылки», – свидетельствует автор статьи [16, с. 26]. В антологии, адресованной детям, мотив несвободы, разумеется, редуцирован, но противопоставление урбанического и природного пространства сохраняется. «Димка, обжигаясь горячим чаем, с завистью поглядывал на собаку, слушал неторопливый разговор охотников и в который раз уже удивлялся, как люди добреют на природе» (М. Корякина «Филя») [5, с. 105].

Тема природы реализуется в первую очередь с помощью разных мотивов единого инварианта «тайга». Тайга, в мотивном отношении, – это и возвращение домой, и своеобразный «ключ», помогающий определить своего и чужого, и преодоление одиночества. В рассказе Т. Булевич «Дети, птицы и лосенок» герои проходят ускоренный путь сближения с тайгой: от невежества и страха перед ней – до познания и родства с лесом. В начале рассказа тайга для детей – *terra incognita*. «В день рождения Егора и Ильи светило яркое весеннее солнце, весело гомонили птицы, и Дмитрий Юдин решил повести своих пятилеток в звенящую весной тайгу, которая начиналась сразу за забором огорода и казалась малышам таинственной, страшноватой и непреступной». И далее: «По малолетству близ-

нецам строго-настрою было наказано мамой Людой, да еще со страшилками, чтобы и нога их туда не ступала» [1, с. 41]. Знакомство с тайгой начинается с мифологизации. Отец напоминает детям греческий миф о Дедале и Икаре, который в общем контексте рассказа усиливает идею опасности и желанности познания. Однако постепенно страшный миф превращается в «другие сказки» [1, с. 42]. В рассказе дается натуралистическое описание жизни полярных крачек, соек, филина, глухой и обыкновенной кукушки; дети находят токовище глухаря и первые подснежники. Вторая половина рассказа – одомашнивание тайги, ее соединение с жизнью людей – это вскармливание лосенка Вальки. Финал рассказа утверждает амбивалентные отношения сибиряка с тайгой: невозможность существовать отдельно и одновременно неспособность к полному слиянию. «Так они (человек и лось. – прим. автора статьи) долго и близко общались, наслаждаясь неожиданной и счастливой встречей, понимая друг друга, разговаривая на языке идущих от сердца доверительных звуков и выразительных телодвижений.

Потом медленно и неохотно расходились в разные стороны, будто зная, что никогда уже их тропы не пересекутся» [1, с. 51].

Природа противопоставляется городу как наполненное пространство – пустому. При этом речь может идти о полноте как материального мира, так и мира событий. В лирической прозе А. Немтушкина «Звонкое лето» тайга именуется «кормилицей» и отождествляется с долгим летом. Кумулятивная интонация зарисовки позволяет объединить в одностороннем тексте множество примет природного мира (белые ночи, глухари, куропатки, стойбище, овраг, омут, саранка, тальник, красная смородина, голубика, комары...) и вместе с тем перечислить гармоничные ритуалы человеческой жизни в природе (собрания у костров, «ехорье» – хороводный танец эвенков, рыбалка, пение народных песен...) [1, с. 168]. Зарисовка имеет признаки циклической композиции. Она начинается с размышлений мальчика Амарчи об уходящем лете: «Если бы всегда было лето, сытно жили бы, можно было б вечно играть у реки и в лесу!» [1, с. 167], а заканчивается народной песней, знаменующей наступление нового лета. Финальная фраза (перед песенным куплетом): «Летом нам сам Харги не страшен!» [1, с. 168]. Харги в мифологии северных народов Красноярья (тунгусов, эвенков) – хозяин нижнего мира; дух, который отводит умерших в мир мертвых [17, с. 1047]. Таким образом, идея цикла, реализованная композиционно, лексически («вечно играть у реки и в лесу») служит в зарисовке А. Немтушкина для создания мифологической картины мира, где умирающая и возрождающаяся

природа дает человеку все необходимое, защищая его от смерти.

Несколько иначе реализуется идея природной полноты в стихотворении долганской писательницы Огдо Аксеновой «Новости». В стихотворении описана встреча двух братьев, один из которых живет в интернате в поселке, а другой – в стойбище. Брат, приехавший из тундры навестить второго, рассказывает многочисленные новости: «Собака поймала / Песца на дороге. / Стал очень капризным / Олень однорогий. // Мама мне сшила / Сакуй меховой / Папа принес куропатку домой» – и так далее [1, с. 8]. Речь идет уже не только и не столько о множественности предметов, сколько о развернутом событийном ряде. В противовес ему брат, живущий в урбанизированном поселке, молчит; он словно существует в бессобытийном мире. Рефрен: «Слушал мой брат, / Строганину строгал» [1, с. 8] – необходим для передачи связи человека со своим родом и природным космосом, в который он включен. Мотив связи с тундрой и тоски по дому становится ведущим в поэме О. Аксеновой «Тундровичок», пять глав которой представлены в антологии. В каждом из стихотворений поэмы главный герой, мальчик Уйбача, находит в городе предмет, напоминающий ему о доме. Мальчик одушевляет механистические объекты цивилизации: «Скорый поезд, как олень. / Ночь бежал и целый день» («В поезде») [1, с. 11]; «Маленький Уйбача / От испуга плачет, / Слезы льет из глаз: / Землю нашу прячет / Самолет от нас. / Самолет пузатый, / Толстый, как налим» («В самолете») [1, с. 10]. Город показан как мертвая природа: «Уйбача увидел / Оленя в музее, / И кинулся мальчик / Оленю на шею. / Ласкает и гладит: / „Олень из Сыгдаско, / Я знаю, / Со мной ты пришел / Повидаться!“» («В музее») [1, с. 11]. Синюю скатерть он сравнивает с морем, апельсиновые шкурки – с деревянными рыбацкими лодками («В городе») [1, с. 9]. Таким образом проявляется омертвление и информационная пустота городского пространства в противопоставление живущему, изменчивому в своем постоянстве природному космосу.

Природу в книге в полной мере можно называть «космосом», поскольку она характеризуется упорядоченностью, четкой иерархией. Человек является лишь одним из элементов этого порядка и должен осознавать границы своего влияния. Так, в рассказе А. Немтушкина «Дедушка, иди своей дорогой...» [1, с. 169] описана ситуация нарушения природной иерархии. Браконьеры убивают медвежат и позже становятся жертвами мести разъяренной медведицы. Медведь («амикан») назван «дедушкой», «полуэвенком». Он – мифологический родоначальник, проходящий собственный жизненный путь, требующий уважения.

Многие тексты антологии, как прозаические, так и лирические, воспроизводят черты онтологической картины мира, тематически продолжая друг друга. Так, мотив творящей, вечно создающей природы проявлен в стихотворениях Э. Ахадова «Родники» [1, с. 36]; Г. Бояркиной «Ручей» [1, с. 40]; С. Кузнецихина «Как поймать большую рыбу» [1, с. 134]; С. Рябец «Капелька-дождинка» [1, с. 236]. Названные стихотворения объединяет не только мотив воды как стихии созидания мира, «первоначала, исходного состояния всего сущего, эквивалента первобытного хаоса» [18, с. 198], но и идея антропоморфизма природы, а также ее способности к общению. Природа уподоблена человеку: «И тянулась к ним река, / Словно к жилке у виска...» (Э. Ахадов «Родники»), «И та, как мать его родная, / Обнявши синюю волной, / В ладонях ласково качает, / Вихор погладив голубой» (Г. Бояркина «Ручей»).

В свете указанной близости человека и леса закономерно, что природное пространство в антологии – это не только неосвоенная, дикая тайга. Городу противопоставляется также деревня как пространство со-природное. Во многих произведениях детство героя проходит в селе или лесничестве, и деревенское время осмысливается как идеальный период детства, который невозможно сохранить. Так, в фантастическом рассказе С. Кузичкина «Воспоминание о белом журавлике» мальчик у деда в лесничестве дружит с журавлем. Журавль символически отождествляется с освобождением, с полетом: «Мне снился один и тот же сон. Мы летим с журавликом высоко-высоко в небе, обгоняя проплывающие облака. Облака расступаются, и перед нами появляется необъятная даль с множеством маленьких, как звезды, огоньков. Мы летим среди этой темноты, и чувства страха и восторга одновременно переполняют мою душу <...> А потом я вижу город далеко-далеко внизу и чувствую, что начинаю падать» [1, с. 126]. Онейрическое падение фабульно оборачивается потерей журавлика, оказавшегося представителем инопланетной расы, и взрослением. Основная тема произведения – тема инициации – разворачивается вокруг образа деревенского ребенка, утратившего в определенный миг способность к полету: «внук лесника с белой птицей» [1, с. 127] после потери журавлика сразу возвращается в город, и смена пространства обусловлена общей темой потерянного детства.

В своеобразный диалог с фантастикой С. Кузичкина вступает иронический рассказ М. Валева «Общежитие для скворцов». Если в первом рассказе утверждается мотив гармоничного детства в слиянии с природой, то в рассказе Валева явлено разрушение связей с ней. Мальчику в школе дают задание сделать скворечник, он обращается к папе за помощью, но отец не умеет мастерить домики

для птиц и не понимает цели задания: «– Почему скворечник-то? – спросил Мурашкин, не отрываясь от газеты. – Почему не табуретку? Или разделочную доску» [1, с. 52]. Мурашкин воплощает тип человека, подвергнувшегося влиянию цивилизации, который «кроме ручки и калькулятора, другого инструмента в руках и не держал» [1, с. 53]. (Дополнительная ирония рассказа создается благодаря контрастирующим образам матери, поддерживающей хозяйство, ремонтирующей теплицу, и отца – главы семейства – не способного управляться с молотком и стамеской.) Отец последовательно пытается схитрить, обмануть (выдав за дом для птиц посылочный ящик); купить скворечник и, наконец, выгоняет из будки пса, чтобы поселить туда скворцов. Слово «общежитие», выведенное в название рассказа, становится своеобразным определением неустроенной жизни вне природы как вне своего дома (общежитие как чужое, коммунальное пространство).

Мы видим, что этика существования не ограничивается естественностью, следованию природе, но также утверждает важность труда. В ряде произведений, таких как: «Сережкин паровоз» А. Щербакова [1, с. 290], «На зеленом покрывале» Л. Федорчук [1, с. 277], «Двор» А. Третьякова [1, с. 272]; «Сказка о коте и Саше» М. Тарковского [1, с. 255], «Станешь мужчиной» О. Аксеновой [1, с. 9], «Подарок Деду Морозу» З. Кузнецовой [1, с. 132], В. Нестеренко «Луч солнца и девочка» [1, с. 176], основным мотивом является мотив совместного созидания и поиска своего дела, своего предназначения. Некоторые из произведений имеют претексты в классической детской литературе. Так, сказка З. Кузнецовой «Подарок Деду Морозу» не только названием, но и фабульно перекликается со сказкой В. Одоевского «Мороз Иванович» (являющейся, в свою очередь, авторским переложением народной сказки) [19, с. 2].

В сокращенном и осовремененном варианте сказка несколько изменяет основную идею. У З. Кузнецовой обе девочки получают подарки независимо от их трудолюбия (в данном случае речь идет не о сокровищах, а о мобильных телефонах), но работящая Даша кроме материальной награды получает в качестве подарка еще и радость заботы о другом (о бабушке, о Дедушке Морозе). Мотив «радостного, бескорыстного труда» присутствует и в сказке В. Нестеренко «Луч солнца и девочка». Авторская концепция труда утверждается в нескольких прямых высказываниях: «Все это придает нам хорошее настроение, когда мы трудимся. А работа тогда спорится, когда делаешь ее с легким сердцем» [1, с. 178]. И далее: «Трудолюбие не вещь, оно в карманах не валяется, и украсть его невозможно. Оно рождается вместе с младенцем, растет и крепнет вместе с малышом заботами его

родителей и близких. Но зародыш трудолюбия можно засушить в ребенке от безразличия к воспитанию малыша и навсегда потерять его от безделья» [1, с. 179]. Девочке Лиле, по сюжету, придется преодолеть недоверие окружающих к ее труду, и в этом ей помогает солнечный луч.

Мотив бескорыстного труда в детской литературе второй половины XX века, составившей антологию, интересен тем, что труд приближает человека к природе, находит ему место в едином вечном круговороте природного цикла. Например, в поэтической подборке А. Третьякова каждый персонаж имеет собственную роль: кот поет песни («Кот») [1, с. 268]; собака традиционно охраняет двор; воробьи берегут дом («Для меня они свои – / Домовые воробьи. / Хоть зимою воробей / Замерзает, голодает, / Но на юг не улетает... / Любит дом свой – хоть убей!» «Воробей» [1, с. 269]); сверчок радуется другими песнями («На нем, должно быть, старый / Затасканный жилет, / А он играет даром, / Не нужен даже свет...» [1, с. 272]). Лирический герой выполняет двойную роль. Он, с одной стороны, – рассказчик, который должен сохранить этот мир и передать его другим в полноте («Снова видится наш двор... / Как по щучьему веленью, / Там с утра звенит топор – / Разлетаются поленья» <...> Что-то можно и стереть. / Что-то можно и замазать. / Но что рос я при дворе, / Это всем понятно сразу» «Двор» [1, с. 272]. С другой стороны, герой «в ответе» «за весну» («На улице солнце весеннее светит...» [1, с. 273]) – то есть он ощущает причастность к красоте мира и должен сохранить ее: «Здесь – все мои лужи, весна – вся моя!». Во многих стихотворениях антологии используется метафора по действию, позволяющая соотнести природное явление с конструктивной человеческой деятельностью. Так, зима в стихотворении К. Еремина «обучает писать» в своей тетради («Завела зима тетрадь...» [1, с. 65]); солнечный луч в стихотворении Д. Лысенко прошивает платье («Летнее солнце светит в окно» [1, с. 143]), метель у В. Неизвестных стирает («И сена клок старательно трепала, / Как будто бабы в проруби белье» («Детство» [1, с. 163]). В текстах обнаруживается явный дидактический компонент, однако посыл этой дидактики «космичен»: после рождения ребенок начинает искать свою роль в общем хоре голосов природы.

Заключение

Если обобщить сказанное выше, то исследование произведений 1950–1980-х годов, включенных составителями в антологию, дает возможность утверждать, что детская литература Красноярского края этого периода следует общим тенденциям развития русской литературы второй половины

XX века. В ней можно найти конституирующие признаки онтологической и деревенской прозы, онтологической лирики, «<...> главным и существенным являются мир, природа, жизнь, род, рождение, семья, труд, порядок, смерть, память, опыт. Данные феномены в их системной взаимосвязи и воплощают красоту мира, малой и естественной частицей которого есть и будет каждый из живых» [20, с. 124]. Космизм животного и растительного мира, а также сопряженной жизни сельского человека в гармонизированной упорядоченности, целесообразности противопоставлен городской бездеятельности и в некоторых текстах вещному омертвлению. Безусловно, не каждое произведение антологии содержит в себе эту идею в полной мере. Общая концепция рождается на пересечении ряда рассказов и стихотворений как надтекстовое семантическое приращение.

Если опираться на биполярную концепцию города, разработанную Ю. М. Лотманом, то Красноярск в текстах второй половины XX века «Антологии литературы для детей» преимущественно

представлен как город эксцентрический (в противопоставление концентрической модели), т. е. не центральной, а окраинный, маргинальный. «Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка – с другой» [21, с. 321].

Точности ради нужно отметить, что в произведениях, написанных на рубеже XX–XXI веков, вошедших в антологию, противопоставление урбанизированной и естественной (деревенской, природной) жизни уже не актуально. Онтологическая картина в творчестве молодых авторов (О. Гуляевой, А. Дудина, М. Иониной, Р. Карапетьяна, Е. Малиновской, В. Овчаренко и других) уступает место игровой модели. Возникают новые мотивы (например, мотив знакомства с экзотической природой, мотив сказочности, фэнтезийности), которые требуют отдельного исследования.

Список литературы

1. Антология литературы для детей / сост. О. Гуляева, М. Стрельцов, В. Овчаренко, Л. Рождественская, Н. Омелко. Красноярск: Класс Плюс, 2017. 320 с.
2. Губайдуллина А. Н. «Взрослое слово» в современной поэзии для детей // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2012. № 3 (19). С. 59–65.
3. Бурмистрова С. В., Полева Е. А., Макаренко Е. К., Губайдуллина А. Н., Плешкова О. И. Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010-е гг.): в 2 т. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2017. Т. 2. 168 с.
4. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
5. Корякина М. Филя // Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 104–121.
6. Нестеренко В. Как арбуз стал полосатым. Луч солнца и девочка / Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 173–184.
7. Рычкова Л. Цветочные сказки // Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 229–235.
8. Жарикова Е. Лавочка. Чердак // Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 71.
9. Дудин А. Стихотворения // Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 761–763.
10. Ива Н. Стихотворения / Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 72–75.
11. Тарковский М. Сказка о коте и Саше (Отрывок) // Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 255–257.
12. Аксёнова О. Из поэмы «Тундровичок» // Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 9–11.
13. Анишина Н. Азбука в загадках // Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 16–19.
14. Ерёмин К. Загадки // Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 65–67.
15. Радкевич М. Загадки о природе. Загадки о животных. Музыкальные загадки // Антология литературы для детей. Красноярск: Класс Плюс, 2017. С. 213–217.
16. Кудинова И. Ю. Сибирский город в художественной литературе // Дискуссия. 2012. № 6 (24). С. 21–26.
17. Василевич Г. М. Харги // Мифы народов мира. М.: Советская энцикл., 1980. 1154 с.
18. Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира. М.: Советская энцикл., 1980. 1154 с.
19. Одоевский В. Ф. Мороз Иванович. М.: Качели, 2018. 24 с.
20. Комаров С. А., Юдинцева Е. Л. Феномен молчания в русской и русскоязычной онтологической повести 1970-х годов // Вестник Тюменского гос. ун-та. Филология. 2014. № 1. С. 122–130.
21. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Губайдуллина Анастасия Николаевна, доцент кафедры истории русской литературы XX в., Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634003). E-mail: gubgub@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 18.08.2018.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-67-73

ONTOLOGICAL MOTIFS IN THE KRASNOYARSK ANTHOLOGY OF LITERATURE FOR CHILDREN

A. N. Gubaydullina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The article describes the prerequisites for addressing the Krasnoyarsk anthology, which is the phenomenon of two-address literature (for schoolchildren and adults). *Aim and objectives.* The purpose of the survey was to examine the key motifs of poetic and prose works included in the “Anthology for children” of Krasnoyarsk Territory (2017). *Materials and research methods.* The author uses the method of motive and thematic analysis. The author analyzes the key motifs of the poetic and prose works, included in the “Anthology of literature for children” of the Krasnoyarsk Territory (2017). The anthology includes poems and prose of 58 authors. The compilers of the anthology included texts of various genres: prose (for example, M. Koryakin), fairy tales (V. Nesterenko, L. Rychkova), prose miniature (E. Zharikova), lyrical poetry (A. Dudin, N. Iva), excerpts from the poem (M. Tarkovsky, O. Aksenova), poetic alphabet (N. Anishina), puzzles (K. Eremin, M. Radkevich). The texts were written during the second half of the twentieth century and at the beginning of the XXI century. At present, regional studies have a high scientific value. The author turns to the anthology, published in 2017. The study reveals an auto-reference of Siberia in poetry and prose of both the Soviet and the post-Soviet period. *Results and discussion.* Writers of the mid-twentieth century reproduce in their works an ontological model of the world. In different texts, one can see the mythological model of the world as a repeating cycle. The main motives organizing this model of the world are such as the model of an anthropomorphic, creative taiga and the motive of an ideal, free childhood. *Conclusion.* The key conflict in the texts of the middle of XX century is the conflict between nature and urban civilization. However, in the texts of the early 21st century, the ontological picture of the world gives way to the game perception of the world.

Key words: contemporary literature for children, writers of Krasnoyarsk, Siberian poetry, Siberian prose, analysis of motives.

References

1. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, 320 p. (in Russian).
2. Gubaydullina A. N. «Vzrosloye slovo» v sovremennoy poezii dlya detey [«Adult word» in modern poetry for children]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 59–65 (in Russian).
3. Burmistrova S. V., Poleva E. A., Makarenko E. K., Gubaydullina A. N., Pleshkova O. I. *Sibirskaya literatura dlya detey i yunoshstva: tendentsii i kontekst razvitiya (1950–2010-e gg.): v 2 t. T. 2* [Siberian literature for children and youth: trends and context of development (1950–2010)]. in 2 vol. Vol. 2]. Tomsk, TSPU Publ., 2017, 168 p. (in Russian).
4. Silant'ev I. V. *Syuzhetologicheskiye issledovaniya* [Studies of plot theory]. Moscow. Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2009, 224 p. (in Russian).
5. Koriakina M. *Filya. Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 104–121 (in Russian).
6. Nesterenko V. Kak arbut stal polosatym. Luch solntsa i devochka [As the watermelon became striped. Sun ray and girl]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 173–184 (in Russian).
7. Rychkova L. Tsvetochnye skazki [Flower tales]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 229–235 (in Russian).
8. Zharikova E. Lavochka. Cherdak [The Bench. The Attic]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, p. 71 (in Russian).
9. Dudin A. Stikhotvoreniya [Poems]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 61–63 (in Russian).
10. Iva N. Stikhotvoreniya [Poems]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 72–75 (in Russian).
11. Tarkovskii M. Skazka o kote i Sashe. Otryvok [The tale of the cat and Sasha. Excerpt]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 255–257 (in Russian).
12. Aksenova O. Iz poemy “Tundrovichok” [An excerpt from the poem «Tundrovichok»]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children: textbook]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 9–11 (in Russian).
13. Anishina N. Azbuka v zagadkakh [Alphabet in riddles]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 16–19 (in Russian).
14. Eremin K. Zagadki [Riddles]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 65–67 (in Russian).
15. Radkevich M. Zagadki o prirode. Zagadki o zhivotnykh. Muzykal'nye zagadki [Riddles about nature. Mysteries about animals. Musical riddles]. *Antologiya literatury dlya detey* [Anthology of literature for children]. Krasnoyarsk, Klass Plyus Publ., 2017, pp. 213–217 (in Russian).

16. Kudinova I. Yu. Sibirskiy gorod v khudozhestvennoy literature [Siberian city in fiction]. *Diskussiya – Discussion*, 2012, vol. 6 (24), pp. 21–26 (in Russian).
17. Vasilevich G. M. Khargi [Khargi]. *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980, 1154 p. (in Russian).
18. Averintsev S. S. Voda [Water]. *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980, 1154 p. (in Russian).
19. Odоеvskiy V. F. *Moroz Ivanovich* [Moroz Ivanovich]. Moscow, Kacheli Publ., 2018. 24 p. (in Russian).
20. Komarov S. A., Yudintseva E. L. Fenomen molchaniya v russkoy i russkoyazychnoy ontologicheskoy povesti 1970-kh godov [The phenomenon of silence in the Russian and Russian-language ontological story of the 1970s]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tyumen State University Journal of Philology*, 2014, no. 1, pp. 122–130 (in Russian).
21. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2000, 704 p. (in Russian).

Gubaydullina A. N., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: gubgub@ngs.ru